

Николай Романецкий

Сумасшедший в горах

Николай Романецкий
Сумасшедший в горах

«Автор»

Романецкий Н. М.

Сумасшедший в горах / Н. М. Романецкий — «Автор»,

© Романецкий Н. М.

© Автор

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Романецкий Сумасшедший в горах

Не оплакивай Былого,
О Грядущем не мечтай,
Действуй только в Настоящем
И ему лишь доверяй!
Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути, —
След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых —
И пробудит совесть в них.

Генри Уодсворт Лонгфелло, Псалом жизни

Шла десятая минута полета.

Мидлтон спокойно сидел в кресле, время от времени поглядывая на экран бортового локатора. Пока Кондор вела автоматика. Однако мишень могла появиться и раньше положенного времени, так что ухо надо было держать востро.

Это были уже третьи боевые стрельбы за последний месяц. Работа, ставшая привычной. Ночные дежурства, стрельбы, барражирование, снова дежурства, опять стрельбы... Свободного времени, конечно, мало, зато кормят на убой и платят хорошо. А Лайза подождет. Три года в авиации дадут и свой коттедж, и неплохой банковский счет в придачу. Да и безработица не грозит: президент Карреда явно готовится к войне.

Мидлтон взглянул на курсограф – истребитель был в нужном квадрате. Легчик впился глазами в экран. Вокруг висели плотные облака. Ни земли, ни солнца не было видно: сплошной серый кисель за бортом. Мидлтон изготавился к стрельбе и стал ждать появления мишени.

По фонарю вдруг забежали изумрудные звездочки, и тут же слева ослепительно брызнули солнечные лучи. Мидлтон на несколько мгновений потерял зрение, а когда оно вернулось, на экране уже появилась отметка от мишени. Бортовая ЭВМ быстро выдавала на дисплей курсовые параметры. Мишень шла напрямиком на Столицу. У нее оказалась такая скорость, что Мид-

лтон удивленно присвистнул. Это был явно не тихоходный гроб-бомбовоз, давно доживший свой век. Это было что-то другое. Мидлтон послал запрос, и у него пересохло во рту: цель не дала сигнала Я – свой. Он быстро нажал кнопку связи с землей.

– Первый! Первый! – скороговоркой пробормотал он, облизал пересохшие губы и хрипло откашлялся. – Я – Циклон. Наблюдаю неизвестный объект. Курс – 90, на Столицу. Жду указаний.

Земля молчала. Он повторил запрос. Ответа не последовало. И тогда он понял, что принимать все решения придется ему самому. И отвечать за них тоже...

Он прибавил скорость и пошел на сближение. Он был спокоен. Решение принято... Возможно, все это лишь выходки Слона. Ребята рассказывали, что полковник любил создавать на стрельбах всякого рода неожиданные ситуации. Ну что ж, Слон будет доволен своим учеником.

Цель быстро приближалась, и вскоре Мидлтон смог рассмотреть ее. Это был вообще не самолет. Это был какой-то шар-не шар, эллипсоид-не эллипсоид. Весь он был серебристый, и за ним начисто отсутствовал инверсионный след.

– Что за чертовщина? – вслух произнес Мидлтон. – Никак НЛО?

У него мгновенно вспотела спина, но он сразу взял себя в руки, сжался в комок и стал прикидывать, как ему сделать маневр так, чтобы машину вынесло сзади и выше цели. Какая-то мысль мешала ему, стучалась в сознание, но он отогнал ее как назойливую муху и сосредоточился на атаке.

Зайти сверху и в хвост удалось сразу. Объект даже не пытался маневрировать, он по-прежнему пер себе и пер по направлению к Столице. Похоже было, что Мидлтону просто не замечали. Ему даже стало обидно. Он включил электронный прицел и положил палец на кнопку Пуск.

– Сейчас! – злорадно сказал он. – Сейчас вы меня заметите!

Секунд через пятнадцать расстояние до цели уменьшилось до оптимума, и он выпустил ракету. Ракета была с самонаводящейся головкой, но для верности секунды через две он выпустил и вторую, и тут же заложил вираж влево, уходя в сторону солнца. Автоматическая телекамера теперь все время следила за целью, и ему не надо было даже ворочать шеей, преодолевая наваливающиеся перегрузки. Все, что он видел на экране, потом увидят и на земле.

Когда попала первая, объект словно подпрыгнул, и от него во все стороны брызнули синие лучи. А потом в него попала вторая ракета, и сзади вспыхнуло второе солнце, заливая все вокруг ослепительным светом, и телекамера сразу отключилась. Но снова забегали по фонарю изумрудные звездочки, опять вдруг повис за бортом серый кисель сплошной облачности, и в кабину ворвался встревоженный голос Слона:

– Циклон! Циклон! Я – Первый! Куда вы пропали? Циклон! Отвечайте!!!

И Мидлтон вдруг понял, что это за назойливая муха мешала ему при выходе на цель. Он вспомнил, что за все время атаки ни прямо по курсу, ни справа, ни слева – нигде на небе не заметил он ни единого облачка.

Глава первая

ЗАДАНИЕ

Я стоял посреди вестибюля и озирался. Что-то здесь несомненно изменилось, но что именно – я никак не мог понять. Те же голубоватые стены, те же большие светлые окна, та же лестница, истоптанная сотнями тысяч ног – все вроде бы то, но ощущение, будто я попал в другое здание, меня не покидало.

Послышались чьи-то негромкие голоса. Сверху по лестнице медленно спускалась пожилая пара. Женщина вытирала глаза носовым платком, а мужчина что-то тихо ей говорил, похоже, утешал. Увидев меня, он замолчал, и они, прибавив шагу, быстро прошли мимо. Чуть слышно скрипнула дверь, и все стихло.

И тут я понял, что именно здесь изменилось. В те дни в вестибюле всегда находились люди, все время слышался шум голосов, постоянно хлопала входная дверь. Сейчас же здесь стояла настолько плотная тишина, словно кто-то натолкал мне ваты в уши, и тишина эта казалась зловещей. Я прислушался, пытаюсь что-либо в ней уловить, но ничего в ней не было: это была обычная тишина пустого помещения в доме с отличной звукоизоляцией.

Я прошел под лестницу и свернул в коридорчик налево. Он тоже был тих и пуст. В конце его ждал лифт. Я направился к нему.

Внезапно передо мной возник рыжий детина в каске и серой форме Службы Безопасности. Он хмуро поглядел на меня, многообещающе положив правую руку на кобуру. Справа, из ниши, сразу мною незамеченной, выдвинулся второй охранник, комплекцией смахивающий на первого. На форме у него красовались сержантские нашивки. Он молча протянул руку.

– Я к инспектору Ромсу, – сказал я и подал ему свой паспорт. – По вызову.

Сержант взял паспорт, полистал, быстро взглянул на меня, словно сфотографировал, и скрылся в нише. Рыжий прислонился к стене и по-прежнему хмуро смотрел на меня.

Вот бы врезать ему между глаз... что бы было? Впрочем, такого кабана с первого удара не уложить даже мне... А до второго дело вряд ли дойдет: с простреленным черепом кулаками не помашешь.

Тут из ниши появился пожилой капитан с вислыми усами и аккуратненьким шрамом под левым глазом. Да-а, ребята серьезные, с такими не пошутишь...

Капитан протянул мне паспорт и сказал рыжему, который при его появлении перестал подпирать стенку и вытянулся:

– Пропустить!

Я вошел в лифт и нажал кнопку пятидесятого этажа. Когда я здесь работал, мне не приходилось подниматься выше двенадцатого. Лифт был скоростной, через несколько секунд створки распахнулись, и я попал в длинный коридор казенно-серого цвета.

Достав из кармана конверт, я еще раз перечитал послание.

Уважаемый мистер Вуд! – гласила гербовая бумага. – 20 сентября в 9 часов Вас будут ждать по нижеуказанному адресу. С уважением, инспектор Ромс.

Нижеуказанный адрес был известен мне отлично, а вот фамилия Ромс абсолютно ничего не говорила. Это меня несколько удивило: слава богу, я знал всех инспекторов Криминал-департамента – дело-то у нас ведь общее. А Впрочем, это вполне мог быть кто-нибудь из новичков; они плодятся сейчас как грибы после дождя.

Я быстро нашел комнату 524, постучал и открыл дверь.

Это была большая приемная. Прямо напротив двери стоял большой стол. За столом сидела крашенная блондинка в черном кителе, под которым угадывались весьма соблазнительные формы.

– Мистер Вуд? – приветливо спросила она.

– Да.

Блондинка нажала кнопку на селекторе, который занимал всю правую половину стола.

– Пришел мистер Вуд, – сказала она в микрофон.

В ответ раздалось невнятное ворчание.

– Через пять минут инспектор примет вас, – сообщила она мне, вежливо улыбаясь. – Присядьте пока, пожалуйста... Там вам будет удобно. – Она указала в угол, где вокруг маленького столика стояло несколько мягких кресел.

Я плюхнулся в ближайшее. На столике лежало несколько иллюстрированных журналов. Я раскрыл один из них. С большой цветной фотографии на меня взглянула обнаженная красотка с мраморной кожей. На следующих страницах сюжеты были еще откровеннее. Взглянул на обложку: майский номер Вестника Секс-клуба. Я бросил журнал на столик и задумался.

Да-а-а, меня здесь явно знали. Впрочем, чему удивляться! В компьютерах Криминал-департамента и Службы Безопасности хранятся досье на миллионы средних граждан, а известный частный детектив это вам не какой-то средний... Да если еще учесть, что этот самый детектив работал в полиции при правительстве Риммера...

Я посмотрел на блондинку. Она что-то писала за столом и не обращала на меня ни малейшего внимания.

В боковой стене вдруг открылась дверь, и вышел высокий молодой парень, по виду явный прихватчик. Дверь закрылась. Блондинка подняла голову.

– Ну как? – живо спросила она.

– В порядке! – весело ответил прихватчик. – Часа через четыре надо будет отвезти в одно место какого-то типа. Шеф велел... Это быстро. К пяти вернусь обратно и буду свободен.

Девушка вытянулась перед ним по стойке смирно.

– Все ясно, капитан! – сказала она и засмеялась.

По-моему, если бы не мое присутствие здесь, она бы бросилась прихватчику на шею. У парня несомненно неплохой вкус. Хотя в конце концов она наверняка окажется в постели у своего шефа. Да-а, хороша... Таких милашек я встречал в публичных домах на бульваре Роз. Я туда захаживал по служебным делам довольно часто. До знакомства с Исидорой...

Тут же заняло сердце.

Стоп, сказал я себе. Это ты зря! Исидору все равно уже не вернешь...

Прихватчик, глядя на девушку, укоризненно покачал головой и вышел, проводя по мне равнодушным взглядом. Подчеркнуто-равнодушным...

Откуда-то из недр селектора снова послышалось ворчание. Блондинка повернулась ко мне и, став очень серьезной, перевела:

– Инспектор ждет вас, мистер Вуд! Пройдите вот сюда. – Она указала на дверь, из которой появился парень.

Я встал с кресла и, сделав солидное официальное лицо, вошел.

Надеюсь, что у меня не слишком отвалилась челюсть. За столом сидел Клаппер. Он улыбался. Он сиял. Он был доволен произведенным эффектом.

– Здравствуй, уважаемый мистер Вуд! – весело проговорил он.

– Клаппер?!

– Нет, мой дорогой Майкл! Капитан Клаппер погиб, убит красными в дни Апрельского переворота. – Он усмехнулся и продолжал: – Перед тобой полковник Гринберг, в уголовных делах – инспектор Ромс.

– Следовательно, дело уголовное, – сказал я.

– Ты всегда сразу берешь быка за рога?... Похвально. Но об этом чуть позже. Нам ведь есть о чем поговорить?... Не виделись мы давненько.

– Восемь лет прошло... Я думал, тебя и в живых-то уже нет!

Он самодовольно улыбнулся.

– Все так думали, дорогой мой... И пусть так думают и дальше!.. Тогда ведь многие хотели числиться в убитых, только не всем это, увы, удалось... Ты помнишь Длинного Джека?

– Его повесили.

– Его повесили только потому, что он не смог вовремя оказаться убитым. А я смог! – Он снова самодовольно улыбнулся. – А вот тебе тогда просто повезло...

Да, мне тогда повезло. Если бы я не оказался в лазарете с приступом аппендицита, и мне могли бы одеть галстук на шею. Офицеров, участвовавших в карательных рейдах, в апреле не жаловали.

– Мария! – позвал Клаппер. – Принесите нам, пожалуйста, два кофе.

– Одну минуту, инспектор, – отозвалась через селектор блондинка.

– Ну, а как ты? – спросил Клаппер меня. – Почему не в армии?

– Не задавай глупых вопросов, – сказал я. – Ты же все должен знать.

Он опять самодовольно улыбнулся (вот уж в чем он совершенно не изменился!).

– Ты прав, – сказал он. – Хорош бы я был... А поставил ты на верную карту: полицейские любой власти нужны.

Эх, если б я хоть на что-то тогда ставил!.. Слепой котенок...

– Некоторые, правда, выбрали другую дорогу... – продолжал Клаппер.

Я чуть было не ляпнул, что меня его дороги уже в те годы не привлекали и еще менее они привлекают меня сейчас, но это была реплика, моменту не подходящая, и я промолчал.

– Ты прав. – повторил он. – Я собрал солидное досье, прежде чем обратиться к тебе за помощью.

– Значит, требуется моя помощь? – спросил я. – И по какой же части?

– По твоей. По отзывам ты очень хороший детектив.

– Весьма польщен... А что? В твоей фирме перевелись хорошие детективы?

Он посерьезнел.

– Ты все так же колюч... – Он помолчал и продолжал: – Нет, не перевелись. Они и в худшие времена не переводились!

В дверь постучали, и вошла Мария с подносом, на котором стояли две чашки с кофе и сливочник.

– Благодарю вас, Мария, – сказал Клаппер. – Больше ничего не нужно... Да, вызовите, пожалуйста, машину.

Блондинка вышла.

– Извини, Майкл – забыл твои вкусы. Тебе со сливками?

– Спасибо, нет, – сказал я. – Предпочитаю черный.

Мы выпили кофе (прямо скажем, отличный кофе получился у этой Марии), и разговор возобновился.

– Так вот, – сказал Клаппер. – Мои люди в эту игру играть возможности не имеют. Они примелькались и могут засветиться. А игра, по-видимому, окажется очень крупной.

– А какой же окажется цена?

– Не обидим. – Он достал из стола конверт и протянул мне. – Пока аванс... Потом получишь еще столько же.

Однако, подумал я и заглянул в конверт. Бумажки были сотенные.

– За какие же подвиги такой гонорар? – спросил я.

– За обычные... Работа тебе знакомая. Собственно, речь идет о подозрении в убийстве двух человек... Ты ведь альпинист? – неожиданно спросил он.

– Да, но...

– Кроме того, ты еще радиолюбитель и учился когда-то на метеоролога.

– Да, в Йельском университете, только не закончил.

– Но не все ведь забылось?

– Да кое-что помню.

– Вот потому на тебя и пал выбор.

Клаппер достал из ящика стола пачку Кэмэл, зажигалку и пепельницу. Мы закурили.

– Так вот. – Клаппер выпустил под потолок струю дыма. – Тебе придется на время стать радистом на метеостанции. В горах...

– Так, – сказал я. – И что я буду там делать?

– Будешь передавать радиogramмы в метеоцентр. А между делом, так сказать, выяснишь, почему в течение месяца там погибли двое радистов.

Он взъерошил шевелюру и продолжал:

– Обычно на метеостанции проживают двое: метеоролог и радист.

– Что он за человек? – спросил я.

– Кто?

– Метеоролог. Как я понимаю, он – главный подозреваемый.

Клаппер отвел глаза в сторону и почесал за ухом.

– Все верно, – сказал он. – Это бывший летчик... Сначала Эйр компани, потом военно-воздушные силы. Бомбардировочная авиация... Списан по состоянию здоровья. Что-то с нервами...

– Ага, – сказал я. – Операция Сумасшедший в горах.

– Да нет, он не сумасшедший. Далеко не сумасшедший... – Он на секунду задумался. – Мы как раз копаемся в его прошлом. Какая-то темная история... Впрочем, тебе это вряд ли поможет.

Он встал и прошелся по кабинету. Я молча ждал продолжения.

– У подъезда тебя ждет машина. Заедешь домой, возьмешь все необходимое. Потом машина отвезет тебя на аэродром.

– Лихо! – сказал я. – Только я ведь еще ни слова не сказал о своем согласии.

Клаппер рассмеялся и снова сел на свое место.

– Скажешь... Насколько мне известно, ты никогда не отказываешься ни от каких дел. Помню, у тебя еще в армии было сильно развито чувство справедливости. Ты даже имел из-за него некоторые неприятности.

– Убил! – сказал я. – В общем-то я и не собирался отказываться.

– Ну так вот, – продолжал он. – На аэродроме спросишь Гонзалеса. Ты должен был видеть его: он вышел из моего кабинета несколько минут назад. – Я кивнул. – Гонзалес даст тебе дальнейшие разъяснения... Вот твои документы. – Он раскрыл папку, лежащую на столе, и передал мне паспорт и пачку различных удостоверений.

Я раскрыл одно из них. Корки были, прямо скажем, высший класс. Я взглянул на фотографию. Фотография была моя, но я не смог припомнить, чтобы видел такую где-нибудь раньше. В моем архиве такой не числилось. Где это они умудрились меня щелкнуть?

– Итак, – сказал я, – отныне меня зовут Джерри Смит. Еще что-нибудь есть?

Клаппер раздавил окурок в пепельнице. Я сделал тоже самое и рассовал по карманам деньги и новые документы. В этот момент мелодично звякнул звоночек, и голос Марии произнес:

– Мистер Ромс, машина у подъезда.

– Благодарю, Мария, – отозвался Клаппер и нажал какую-то кнопку. – Еще вот что. Вот тебе длина волны и номер видеофона. – Он взял листок бумаги и написал на нем две группы цифр. – Запомни их. – Он протянул мне листок. – Когда закончишь дело, передашь на этой волне две восьмерки. После этого к тебе прилетит вертолет... Номер даю на крайний случай, если вдруг произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее, и ты каким-то образом окажешься в Столице. Попросишь полковника Гринберга. Ясно?

– Ясно, – сказал я и, взглянув на цифры, вернул ему листок.

Он щелкнул зажигалкой и бросил пылающую бумажку в пепельницу.

– Ну все, – сказал он и встал из-за стола. – Желаю тебе удачи. Жду известий.

Я кивнул и направился к выходу. В дверях я оглянулся. Клаппер стоял и смотрел мне вслед. Выражение его лица показалось мне странным.

Глава вторая

НАЧАЛО

Я приехал на аэродром сразу после полудня. Машина промчала меня в дальний конец летного поля и остановилась у вертолета с опознавательными знаками метеорологической службы на фюзеляже.

Около вертолета распоряжался знакомый уже мне парень из Криминал-департамента. Он что-то выговаривал двум детям в синих комбинезонах, тупо уставившимся на лежащий около люка разбитый ящик. Вокруг валялись банки с каким-то соком. Отругав виновников этого происшествия, парень обернулся и, увидев машину, быстрым шагом направился к нам. Я вспомнил, что Клаппер не назвал мне его звания, и, выйдя из машины, решил пустить пробный шар.

– Мне нужен капитан Гонзалес, – сказал я парню, когда он подошел. – Моя фамилия Смит.

Он кивнул и сказал:

– Это я, только здесь я, с вашего позволения, просто Гонзалес. Вокруг все штатские, а вертолет принадлежит метеорологам... Вы уже готовы?

– Да, – сказал я и взял с сиденья свой портфель.

– Прекрасно! Вылет через четверть часа. Вам придется подождать. Еще не...

Дикий рев ударил вдруг по ушам и заглушил его последние слова. Я от неожиданности вздрогнул. Оказывается, механики вздумали опробовать двигатель. Гонзалес повернулся и побежал к ним, размахивая руками и что-то крича. Роль штатского он исполнял весьма недурно.

Через пару минут рев стих, и наступила тишина. Только двое в синих комбинезонах препирались о чем-то, собирая рассыпанные банки.

Я достал из кармана сигареты, закурил и стал прогуливаться вокруг машины. Гонзалес куда-то исчез. Синие комбинезоны собрали свои банки и тоже ушли. Около вертолета никого не осталось. Начал капать мелкий нудный дождь. Я забрался в машину и попытался заговорить с шофером. Тот отвечал односложно и с явной неохотой.

Наконец, минут через пятнадцать послышался шум мотора, и к вертолету подкатила еще одна машина. Из нее выскочил Гонзалес. Он дал какие-то указания неведь откуда появившимся людям, из машины вытащили небольшой красный тючок и засунули его в зев люка. Гонзалес подошел ко мне. Его лицо лоснилось от пота. Он достал носовой платок и стал им вытираться.

– Ну как? – спросил я.

– В порядке, – сказал он. – Чуть не забыли для вас электроодежду... Все, теперь можно отправляться.

Я взял свой портфель и полез в вертолет. В салоне стояли два кресла. Все остальное место было занято аппаратурой и тюками разного веса и калибра, по-видимому, предназначенными для метеостанций. К тому же, у меня сложилось впечатление, что этими тюками пытались хоть как-то замаскировать назначение приборов. Большинство приборов были мне совершенно незнакомы; среди тюков торчали отовсюду какие-то никелированные ручки, коричневые тумблеры, циферблаты с разноцветными стрелками и прочая дребедень, словно я попал в кабину космического корабля... Да, с тех пор, как я учился, метеорологическая техника солидно шагнула вперед. Впрочем, мне показалось, что некоторая часть этой электронной мешанины явно предназначена для радиоперехватов. Я бы, наверное, долго еще стоял и озирался по сторонам,

но тут в салоне появился Гонзалес, захлопнул створку люка, в ту же секунду пол подо мной поплыл в сторону, и я плюхнулся в кресло. Мы были в воздухе.

Аэродром быстро скрылся в пелене дождя. Серая завеса застила мир, словно спрятала нас от любопытных взоров. Гонзалес исчез в кабине пилотов. В иллюминатор смотреть было совершенно неинтересно, и я, поудобнее устроившись в кресле, стал ждать, пока Гонзалес даст мне обещанные Клаппером разъяснения. Двигатели гудели монотонно, и я, кажется, задремал. Во всяком случае, когда я открыл глаза, мой инструктор уже сидел в кресле напротив и протягивал мне красную папку.

– Вот это, – сказал он, – просил передать вам инспектор Ромс. Прочтите прямо сейчас, перед посадкой вернете ее мне.

Я хотел было съязвить насчет скорострельности некоторых полицейских чинов, но папка оказалась неожиданно тонкой и легкой. Пришла пора дремать Гонзалесу, а я, раскрыв гладкие красные корочки, углубился в изучение дела.

Справившись за полчаса с содержимым папки, я основательно задумался. Похоже было на то, что официального расследования не велось вообще, во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. Более того, я лично не осмелился бы утверждать что-либо об убийствах на основании этих данных...

Я взглянул в иллюминатор. Снаружи по-прежнему плотно висел серый кисель. Я прикрыл глаза.

Итак, что же мы имеем?.. Первый радист разбился насмерть, свалившись в пропасть. Его, конечно, мог столкнуть вниз этот сумасшедший метеоролог. Вот только с какой стати?.. Я вспомнил слова Клаппера. Что-то с нервами... С нервами, видите ли, у него что-то!.. У меня тоже иногда бывает что-то с нервами, ну и что? Да о чем тут говорить... В наше время что-то с нервами у большинства добрых граждан. Все всё время чего-то боятся... Мои соседи боятся воров и грабителей. Знакомый лавочник всю жизнь боится рэкетиоров, так и умрет в страхе. Мать всегда боялась, что меня укокошат. Клаппер наверняка боится, что когда-нибудь, через много-много лет все-таки придет к нему расплата за содеянное... Я вот боюсь, что только зря потеряю время на этой метеоточке...

А чего, интересно, боялся второй радист? Что заставило его сбежать со станции и ночью в пургу пробираться без теплой одежды по горам?

Я хотел было задать эти вопросы Гонзалесу, но что-то меня удержало. Мне вдруг показалось, что он и не дремлет вовсе, а сквозь прикрытые веки внимательно наблюдает за мной.

И вообще, все это чепуха! Что бы и как бы там ни было, не стал бы Клаппер платить мне такие деньги за здорово живешь. Есть у него на этой станции какой-то крупный интерес. А ну-ка, прикинем... Метеостанция находится где? – недалеко от границы. По ту сторону у нас кто? – красные... Нет, интересно все-таки! Имя Ромс мне совершенно неизвестно, а вот о полковнике Гринберге я где-то уже слышал. И вообще: что, если предположить, что инспектор Ромс появился впервые и исключительно для этой операции?.. Тогда здесь явно торчат чьи-то ослиные уши. Вот только не знаю, чьи – то ли контрразведки, то ли политической полиции? Хотя тут, как говорят русские, хрен редьки не слаще... И то, и то – Служба Безопасности!.. Ну что ж, тогда тревога Клаппера в принципе понятна. Будь я на его месте и будь у меня что-то на этой станции – и тут сразу два трупа... Я бы тоже, пожалуй, забеспокоился. Тогда, вообще говоря, понятно даже, почему он не может послать туда своего сотрудника. Где гарантия, что его люди не под колпаком иностранных разведок?.. Да тут лучшего человека, чем частный детектив, и найти-то трудно!.. И все же пока эта история, скажем прямо, малопонятна, а уж если быть откровенным до конца, так и непонятна вовсе. Ладно, примем за исходную версию то, что нам подсовывают. Лучшего все равно ничего нет...

Неплохо бы наметить план действий... Вести расследование в открытую я не смогу. Обстоятельства не те... Допросить метеоролога, к сожалению, тоже не удастся, во всяком слу-

чае, до тех пор, пока у меня не будет прямых улик... надо будет осмотреть оба места, где обнаружили погибших. Это элементарно: поскольку я альпинист, я всегда могу оправдать свои прогулки в горах необходимостью тренировок. Это неплохо... Кстати, допрос тоже возможен. Вернее, не допрос, а расспросы. Ведь если метеоролог нормальный человек, он обязательно должен рассказать новичку обо всем случившемся. Пусть не правду, если он все-таки причастен к гибели радистов, но что-то ведь он должен рассказать. Если он нормальный человек... Что-то не дает мне покоя эта самая его ненормальность... Где же я все-таки слышал это имя: полковник Гринберг?.. Да, ребята, чудеса на свете... Един в трех лицах... исчезнувший когда-то капитан Клаппер, давно забытый мною; известный откуда-то мне полковник Гринберг и, наконец, явившийся из небытия инспектор Ромс... В роли духа снятого... Христианская троица, в душу его!

Мне вдруг вспомнились апрельские события. Нашу роту подняли тогда по тревоге среди ночи. Только все разобрали оружие и построились, в казарму прибежал Клаппер, злой и явно еще не успевший проспать после вечерней попойки, и приказал офицерам тоже взять с собой автоматы. Пока мы грузились, он бегал от машины к машине и ругался. У него, видимо, сильно трещала голова, потому что он успокоился только тогда, когда Тэд, тоже большой любитель выпить, сунул ему в руки фляжку с виски. Мидлтон тогда еще что-то брякнул по этому поводу, и все дружно заржали.

А потом была ночная дорога. Машины шли на большой скорости, с выключенными фарами, нас здорово трясло, но этого никто не замечал, потому что все думали только об одном: куда нас везут? После часа этой гонки в неизвестность колонна, наконец, остановилась, всех снова построили, и в призрачном свете маскировочных фар командир батальона зачитал приказ. Оказывается, враги нации и агенты мирового коммунизма сделали попытку захватить власть, и правительство приказывает нам, орлам и храбрецам, опоре нации и носителям свободы, выступить на защиту законности и порядка и всыпать красным по первое число, чтобы они навсегда зареклись баламутить наше демократическое государство.

А потом снова была дорога через ночь, и страшный вид Столицы, освещенной не морем огней и сиянием реклам, а вспыхивающими светлячками выстрелов и разрывов снарядов, мертвенным светом ракет и огромными языками пламени разгорающихся тут и там пожаров. А еще через полчаса, уже топая в пешем строю по какому-то переулку, в густом тумане наступающего утра мы нарвались на засаду, и первым, выронив автомат и нелепо взмахнув руками, упал на асфальт Тэд, весельчак Тэд, любимец всего моего взвода. Справа кто-то заорал диким голосом, и в голосе этом были лишь невыносимая мука и предсмертная тоска. Вопль этот оглушил меня и начисто убил во мне все человеческие чувства, остался только страх – животный страх за свою бесценную шкуру.

В себя я пришел в какой-то подворотне; сердце бешено колотилось от быстрого бега и пережитого ужаса. Что вы хотите от новоиспеченного лейтенанта, которому даже в карательных рейдах из-за аппендицита не пришлось участвовать, не говоря уже о чем-либо более серьезном и опасном. Я сидел в каком-то углу и, размазывая по лицу слезы и кровь из разбитого носа, прислушивался, не гонится ли кто за мной. Мне даже нечем было защититься, потому что и мой личный пистолет, и автомат, полученный перед началом операции, пропали. Никто за мной не гнался (в часы великой охоты зайцев не гоняют), и получился из меня сто-процентный дезертир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.